

В инсталляциях, касающихся роли СССР, присутствует ряд неточностей, приведена ложная статистика. Однако создатели музейной экспозиции не демонизируют Москву, считая Советский Союз одной из главных стран-победительниц.

1. DeBacker, F. Representing the Second World War in contemporary French novels and history museums, degree: Ph.D. / F. DeBacker. – Austin : The University of Texas, 1997. – 244 p.
2. Denis, M. Review essay: la naissance du Memorial: un musee pour la paix a Caen / M. Denis – Nottingham : [s. n.], 1991. – P. 199–206.
3. Memorial de Caen [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.memorial-caen.fr>. – Date of access: 07.03.2023.
4. Краткий обзор погодных условий в Москве в 1941 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://meteoweb.ru/2021/archives/pogoda_v_moskve_1941.php. – Дата доступа: 15.03.2023.
5. Мемориал в городе Кан – Размышление о войне и мире [Электронный ресурс] // РИА новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20040606/606316.html>. – Дата доступа: 09.03.2023.
6. Мемориал мира, г. Кан : электронный альбом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/album225668468_291962290. – Дата доступа: 18.03.2023.

Абеленцева О.А.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ СКОРОПИСНЫХ ПОЧЕРКОВ

В процессе исследования русских актов и других делопроизводственных документов XVII в. возникает необходимость дать характеристику почерков, традиционно относимых к так называемой скорописи. Задача выработать некие критерии описания скорописных почерков актуальна и достаточно сложна. В данных тезисах хотелось бы высказать несколько соображений о том, возможно ли использовать подходы, применяемые для анализа современных почерков, при описании русской скорописи. Детально принципы описания кириллических почерков разработаны только в пособиях по почерковедческой судебной экспертизе [10; 11]. Но выработанные в них для этих целей подходы базируются на двух факторах – обучения населения страны письму по одним и тем же прописям и наличия базы образцов почерков. Кроме того, в прописях XX – начала XXI в. каждой строчной и прописной букве соответствует одна графема, тогда как в рукописных азбуках-прописях XVII в. их имеется несколько [1; 2]. То есть написание букв было вариативно уже на стадии обучения письму. Таким образом, на формировании навыков конкретного писца сказывалось отсутствие общего стандарта учебных пособий, разный потенциал учеников, их индивидуальность и желание совершенствовать навыки, полученные на этапе обучения.

В историографии отмечалось, что скоропись может быть как «четкой, то есть неспешной», так и «беглой» [12, с. 136]. Работа с документами XVII в., написанными примерно в одно время и в одной и той же локации, показывает, что и «неспешные» скорописные почерки визуально могут значительно отличаться друг от друга. Например, в Успенском Тихвинском монастыре в конце 1640-х годов начали службу слуги Игнатий Стефанов и Никита Васильев сын Зайцев, выполнявшие работу писцов и казенных дьячков. Оба они были жителями Тихвинского посада, их отцы также служили в монастыре [8, с. 12], но, вероятно, обучали их по разным пособиям. Никита усвоил и старался в своей работе воспроизводить некоторые красивые сложные образцы графем [3, л. 11–12], а Игнатию не были свойственны эстетические изыски [6, л. 1–3].

Какие же подходы для описания скорописных почерков можно предложить, учитывая ранее названные особенности обучения письму в XVII в.? К сожалению, ограниченный объем тезисов не позволяет даже перечислить все возможные аспекты анализа почерков, можно лишь остановиться на некоторых примерах. В пособиях по почерковедческой экспертизе выделяются общие и частные признаки почерков. К общим относятся размеры, форма и направление линий полей, размер интервалов между строками, форма и направление нижних линий письма и строк, размер и разгон букв, строение почерка (упрощенное, простое или усложненное), темп письма, степень связности, нажим, выработанность почерка в целом [10, с. 39–48; 11, с. 184–240]. Все перечисленные признаки можно проследить и у почерков XVII в., но с учетом особенностей скорописи. Размер букв будет отдельно учитываться в трех категориях – для строчных, выносных и букв увеличенного по вертикали размера, так как для каждой группы фиксируется свой диапазон величин. Скоропись принято считать типом письма со связными написаниями букв. Однако азбуки-прописи предлагали обучающимся приемы связного написания не как метод, а как серию примеров начертаний. У большинства писцов присутствуют связные написания только двух букв, соответствующих образцам (двух строчных или выносной и строчной). Степень связности в скорописи, согласно нашим наблюдениям, можно было бы определять по следующим критериям: низкая – в арсенале писца 2–5 связных написаний двух букв, средняя – большое число устойчиво употребляемых связных написаний двух букв, высокая – то же при наличии устойчиво употребляемых сочетаний трех и четырех букв. У Никиты Васильева сына Зайцева, который несомненно был высокопрофессиональным писцом, в приведенном ранее в

качестве примера тексте (со ссылкой на онлайн-ресурс) всего четыре группы из связно написанных трех букв, например, буквы «ЧеК» в слове «дьячекъ» в предпоследней строке документа. Их сложное начертание, увеличенный по вертикали размер букв «Ч» и «К» свидетельствуют о том, что в данном случае связность не обеспечивает повышение темпа письма, а скорее придает ему эстетичность, проявляя индивидуальность писца [3, л. 12]. Кроме того, согласно нашим наблюдениям, работодатели не приветствовали использование сложных сочетаний графем, так как документы должны были быть понятны и тем, кто освоил навык чтения только полуустава.

В исследовании об эволюции русской скорописи Е.К. Поповой был отмечен такой признак скорописных почерков XVII в. как устойчивость и равномерность в использовании межстрочных интервалов [9, с. 35]. На наш взгляд, говорить о равномерности заполнения интервалов применительно ко всем или к большинству скорописных почерков XVII в. не приходится, как и об устойчивом увеличении самих интервалов, но сам признак несомненно важен. Наибольшего значения высота интервалов в соотношении к высоте строчной буквы достигла у профессиональных писцов в конце XVI – первой четверти XVII в. [5, л. 1] и далее постепенно снижалась, а степень их заполненности зависела от нескольких факторов: 1) размера листа в соотношении с объемом текста, 2) размера выносных, 3) величины надстрочных и подстрочных элементов 4) и букв увеличенного по вертикали размера, используемых писцом. У почерков простого строения степень заполненности межстрочных интервалов, как правило, низкая. В пособиях по почерковедческой экспертизе простое строение почерка характеризуется как максимально приближенное к стандартным прописям. Применительно к скорописи, на наш взгляд, простое строение почерка предполагает использование небольшого числа графем каждой буквы и низкие значения ранее названных факторов 2–4. В качестве примера такого почерка можно привести автограф дьячка церкви Флора и Лавра на Тихвинском посаде дьякона Исаака Михайлова [4, л. 1]. В целом подходы и терминология пособий по почерковедческой экспертизе вполне может быть использована для описания общих признаков скорописных почерков, но требуется выработать применительно к ним критерии оценки, как, например, это предложено нами для определения степени связности.

Под частными признаками почерка понимаются характеристики, проявляющиеся при выполнении писцом отдельных букв [10, с. 48–55; 11, с. 240–255]. Описание скорописных почерков в этом аспекте сталкивается со значительными трудностями из-за отсутствия общепринятой терминологии для описания графем и их отдельных элементов. Например, Р.В. Бахтурина разделяла понятия «знак» и «графический вариант», введение последнего, по ее мнению, позволило бы «представить графическую систему с отвлечением от индивидуальных почерков» [7, с. 45–46]. Другое важное замечание Р.В. Бахтуриной касается создания базы графем. Она полагала, что «учет всех возможных начертаний не только обогащает представление о скорописи, но и ставит вопрос об их классификации, без которой изучение их не может быть плодотворным» [7, с. 45]. То есть для полноценного анализа необходима база данных, в которой графемы были бы представлены как с разбивкой по хронологии, так и с локализацией. С нашей точки зрения, неплохим началом такой работы было бы создание базы графем на основе сохранившихся до настоящего времени азбук-прописей XVII в. Возможно также аккумулировать материал для таких баз на основе локальных фондов, например, монастырских. Изучение почерков слуг Успенского Тихвинского монастыря и церковных дьячков Тихвинского посада, служивших порой более 20 лет, позволяет получить данные об изменениях графических вариантов написания букв некоторых писцов на протяжении довольно длительного идентификационного периода с привязкой к таким общим признакам почерка, как темп письма и сбивающие факторы. Решение ранее названных и других задач по разработке подходов к описанию скорописных почерков позволило бы облегчить работу многих исследователей, предоставив им необходимый инструментарий.

1. Азбука конца XVII в. / изд. Н. А. Маркса. – М., 1908.
2. Азбукъ в научение младым детем. 1643 г. / изд. Н. А. Маркса. – М., 1910.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории (СПбИИ) РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. Д. 7. Л. 11–12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/aa24624f-02e0-423a-8e8f-33025fc6358f/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
4. Архив СПбИИ РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 1. Д. 36. Л. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/c244fe3c-4e97-470f-a3d4-4d67d91ec6c0/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
5. Архив СПбИИ РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 1. Д. 7. Л. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/23815376-957e-49d3-b7f7-4ea96d0f23b4/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
6. Архив СПбИИ РАН. – РС. Ф. 132. Оп. 1. Картон 3. Д. 248. Л. 1–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gis.spbiiran.ru:88/show/subjects/WrMonument/e2b3fb2a-5897-4900-80d7-06929382049b/>. – Дата доступа: 14.03.2023.
7. Бахтурина, Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов / Р. В. Бахтурина // Лингвистическое источниковедение. – М. : Наука, 1963. – С. 35–57.
8. Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 2. 1644–1675 гг. / сост. О. А. Абеленцева. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

9. Попова, Е. К. Истоки русской скорописи: Сопоставительный анализ грамот Северо-Восточной Руси XV века и актов Олонецкого уезда XVII века [Электронный ресурс] / Е. К. Попова // Carelica. Научный электронный журнал. – 2019. – № 1. – С. 14–39. – Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/2019_1/POPOVA.pdf. – Дата доступа: 14.03.2023.
10. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : курс лекций / под ред. В. В. Серегина. – Изд. 5-е. – Санкт-Петербург : МВД России, НПСП, 2015. – 229 с.
11. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теор. и метод. основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. – 2-е изд. – М. : Наука, 2006. – 544 с.
12. Щепкин, В. Н. Русская палеография / В. Н. Щепкин. – М. : Наука, 1967. – 224 с.

Петрова М.С.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

В докладе обсуждаются исследовательские практики «чтения», понимания и интерпретации средневековых источников (здесь – письменных и вещественных), избранных с целью реконструкции отдельных биографических фактов, поведенческих мотивов и индивидуальных качеств историка и деятеля эпохи Каролингского возрождения Эйнхарда (ок. 770 г. – 14 марта 840 г.). Демонстрируется «работоспособность» избранных методов и подходов; оцениваются их возможности при решении основополагающей проблемы получения достоверного знания, адекватно отражающего средневековую реальность [9, с. 34].

Отмечается, что реконструкция биографии средневекового человека, отдельных событий его жизни имеет свою специфику. В частности, следует учитывать, что после смерти человека, принадлежащего к сословиям духовенства и/или знати, его жизненный путь зачастую воссоздается в воспоминаниях или на письме его ближайшими современниками – то есть теми, чья судьба тем или иным образом оказывалась связанной с ним [10, с. 15–26]. Такое «представление» о человеке всегда субъективно (и это искажение первого рода), так как оно зависит как от личных отношений, существовавших между такими людьми при жизни, так и от различных обстоятельств, благодаря которым они оказывались союзниками, противниками, партнерами, друзьями... Тем не менее, такие свидетельства представляют собой немалую ценность, поскольку отражают информацию, которая оставалась в памяти той социальной группы, к которой принадлежал описываемый персонаж. Искажения другого (или второго) рода могут вноситься авторами, жившими некоторое время спустя или намного позже. И тогда, помимо идеологических, социальных, имущественных и прочих мотивов, на их изложение может повлиять обыкновённый недостаток достоверной информации [14, с. 641–643], зачастую восполняемой вымыслом [15, с. 939–954]. Привлечение максимально широкого круга релевантных источников (как письменных, так и вещественных) позволяет не только воссоздать и собрать воедино те факты, которые свидетельствуют о мастерстве Эйнхарда, его трудолюбии, приверженности искусству, склонности к коллекционированию, но и дополнить уже имеющиеся, весьма скудные, сведения о его жизни [12, с. 57–74].

Рассматриваются разножанровые тексты современников Эйнхарда – Алкуина (735–804), Теодульфа Орлеанского (ум. 821), Валафрида Страба (809–849), Рабана Мавра (822–842), Сервата Лупа (805–862), в которых имеются немногие, разрозненные упоминания о нем, его личных качествах и различных умениях. Отмечается, что в так называемом «жизнеописании» Эйнхарда, составленном после его смерти Валафридом Страбом, упомянуто о том, что Эйнхард получил первые начатки воспитания в Фульдской обители; отсюда был послан ко двору короля Карла, где достиг величия и славы; что в правление императора Людовика он сохранил и свое положение, и высокое звание [Wal. Prol. vv. 13, 15–28; 11, с. 7–811]. При дворе Эйнхарда прозывали «Нардом», «Нардулло» или «Маленьким Нардом», очевидно из-за невысокого роста [Alc. Carm. 239, vv. 4–8 // PL 101, 790CD; Wal. Vers. v. 6 // PL 114, 1094D; Theod. Carm. // PL 105, 320B], а в дворцовой академии – «Веселеилом» [Alc Ep. 101 // PL 100, 315A; Wal. Vers. // PL 114, 1094D; Rab. Epit. // PL 112, 1669BC], в связи с его уподоблением библейскому Веселеилу – строителю Скинии, искусному в работе по металлу, обработке дерева и огранке камня [Исх 31:2–5; 35:30 и 38:22].

Анализируются связанные с Эйнхардом или его именем артефакты. В их числе план базилики, построенной между 815 и 827 г. за Михленштадтом в Штайнбахе (Германия), план церкви, возведенной между 830 и 836 г. в Муленхайме (ныне – Зелигенштадт, Германия) [Einh. Transl. I, 1; 13, с. 295], посвятельная панель на миниатюрной триумфальной арке, подаренной Эйнхардом церкви в Маастрихте [7, р. \ 261; 5, р. 79–103; 2, р. 93–121] с надписью: AD TROPAEVM AETERNAE VICTORIAE SVSTINENDVM // EINHARDVS PECCATOR HVNC ARCVM PONERE // AC DEO DEDICARE CVRAVIT [«Эйнхард, грешник, распорядился воздвигнуть и посвятить Господу эту арку, / дабы запечатлеть триумф вечной победы» – перевод мой – М.П.]; рисунок упомянутой арки, выполненный неизвестным антикваром или гравёром XVII в.; грамота от 21 января 830 г., найденная в Генте,